

ВЕЧЕРОМ он играет одну из лучших своих ролей — Фигаро в пьесе Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро». В театре — аншлаг. Зал в восторге затаил дыхание; на сцену вот-вот выйдет Мастер, которого давно ждут. Он блестяще ведет свою партию. Его Фигаро — плут, насмешник, но не слуга. Скорее — равный соперник своему законному хозяину графу Альмавиве.

Три минуты до финала с веселыми куплетами и вдруг...

Мы долго договаривались об интервью, но все как-то не складывалось. У него съемки, у меня — командировки.

— Вернусь из Риги, тогда поговорим, — бросил он на ходу.

Из Риги Андрей Миронов не вернулся. И тогда я восстановила отрывочные черновые записи наших мимолетных встреч и разговоров. Мария Владимировна Ми-

— У меня странное воспитание. Странное, потому что его не было. Потому что был дом — теплый, уютный, шумный, где всем было хорошо. Мои родители прожили сорок пять лет, но я, между прочим, никогда не слышал, чтобы они ругались. Очевидно, это случалось, но я не видел их обозленными. А в детстве была смешная история. В 1-м классе я принес из школы матерное словечко. Я не понимал сути, но с вызовом сказал его маме.

— Ну и что? — как всегда хладнокровно спросила она.

— Вот, — почему-то сказал я и повторил его снова. — У нас все так говорят.

— Когда-нибудь, Андрюша, ты слышал это дома — от папы, дяди Леди (так звали у нас Утесова)? У нас так не говорят... А когда я собрался жениться и сообщил маме, она сказала: «Давно пора, Андрюша, тебе уже тридцать». Похоже, ее да-

моему, критика чужой работы — неуважение к ней.

— А какие у тебя отношения с друзьями?

— Я их люблю. Они меня, я надеюсь, тоже. Я не терплю скуки, и они не отличаются спокойным нравом. Я люблю над ними подшучивать. А они все время пы-

обидеть. Мне жалко стариков, брошенных их детьми.

— Не обижайся, но мне кажется, ты — консерватор. В том смысле, что не изменяешь своим привычкам. «Мальборо», например, еще...

— Еще я люблю встречать и провожать Ларису, если даже она уезжает на один

Москва, санкт-петербург - 1993. - 2 т. 1982. - с. 3

«МАЛЬЧИК С ФАМИЛИЕЙ МИРОНОВ. ОЧЕНЬ СМЕШНОЙ...»

В августе — годовщина смерти Андрея Миронова. Случайно или нет — не знаю: в эти дни льют дожди. Как шесть лет назад, когда с артистом, одетым в костюм Фигаро, прощалась вся театральная Москва. Да и не театральная тоже. Как два года назад, когда открывали мемориальную доску на доме, где он жил...

ронова, Григорий Горин, Лариса Голубкина помогли мне в этой работе. Спасибо им...

Тесная комнатка пропахла гримом. Андрей закуривает сигарету. Он курит только «Мальборо». Молчит. В его глазах смешались радость и грусть. Чего больше — не понимаю.

— После каждого спектакля ты, я знаю, захватываешь цветы и едешь на старый Арбат. Так всегда. У этого ритуала есть какая-то тайна?

— На старом Арбате живет одна удивительная дама. Прекрасная актриса. Я сажусь на старинный диван в углу комнаты, закуриваю. Рассказываю ей последние театральные новости. Мы болтаем о том, о сем. Она хочет меня накормить. Если успеваю, соглашаюсь с удовольствием. Она шутит. У нее, знаешь, удивительное чувство юмора. Это моя мама. И цветы эти — ей.

— Она хотела, чтобы ты продолжил семейное дело?

— Родители, скорее, мечтали о том, чтобы я пошел по дипломатической линии. Учили меня языкам. У меня даже был преподаватель разговорной речи, с которым мы ходили в театр, на стадион. Болтали только по-английски. Я поступал в институт театральным тайно. Я помню, что тогда родители вернулись с Дальнего Востока и одна актриса сказала маме: «Знаешь, Маша, мы приняли в институт мальчика с твоей фамилией. Он очень смешной...». Мама очень удивилась. Она была убеждена, что мои способности в другом.

— Это значит, что тебя держали в строгости?

же меньше заботило, кто моя будущая жена, чем то, что час пробил.

— Судя по всему, у вас какие-то особенные отношения. Рассказывают, что Мария Владимировна присутствует чуть ли не на всех твоих репетициях...

— Это не так. Ей как раз я показываю только законченную работу. Но мнение — и мамы, и отца — всегда для меня было важно. Отец — это он научил петь меня. Есть секреты.

— В театре ты сыграл около тридцати ролей. Какую из них ты считаешь главной?

— Все, которые сыграл. И те, что еще не сыграл. Это хорошо, между прочим. Скажи, что остается делать актеру, сыравшему свою главную роль? Может, жить на проценты от успеха?

— А любимые роли, в таком случае?

— Несыгранные — Сирано де Бержерак, Жорж Дюруа, Федор Протасов, Белугин.

— Какая роль у тебя вызывала наибольшие волнения? И, возможно, ты хотел отказать от нее?

— Это больной вопрос. Скажем так — мне уже за сорок. А Чацкому — двадцать два. Отказаться от роли? Нет, такого желания нет. Но сомнения...

— Ты комик или трагик?

— Для меня не существует никаких разделений. Я синтетический актер.

— Если ты не согласен с режиссером, что ты делаешь?

— Я ему говорю «бред». «Вы можете меня не слушать, потому что я буду нести бред. Но все-таки, мне кажется, что если сделать так и так... может что-то выйти интересное!» Иногда это действует. По-

Интервью,

которого

не было

таются доказать, что это делают лучше меня. С юмором у них в порядке.

Однажды мне позвонил друг Гриша Горин и сообщил, что пишет про меня статью. Наш разговор происходил в три часа ночи. Я сказал ему, что он сошел с ума, что вообще я сплю, и повесил трубку. А Гриша, очевидно, довольный своей шуткой, пошел спать. «Как бы не так», — подумал я и набрал его номер спустя час — где-то после четырех.

— Ну, читай, что ты обо мне написал, — сказал я сонному другу. На другом конце провода я услышал голос человека, которого окатили ледяной водой.

— Тебя волнует политика? Или ты, как многие актеры, занят исключительно собой?

— Мне совсем безразлично то, что происходит в нашей жизни. Мне в ней многое не нравится, и я был бы полным идиотом, если бы сказал тебе, что я от нее в восторге. Мне противно, когда правительство обманывает свой народ. Когда люди, облеченные властью, говорят одно и с холодным цинизмом делают противоположное. Я не выношу, когда черное выдается за белое, а грабеж за благодеяние в интересах... Я не люблю, когда обижают слабых только потому, что их легко

день. Звоню маме, где бы я ни находился. Люблю розы и да, «Мальборо». Очень хорошие сигареты. Джаз, симфоническую музыку.

— В последнее время ты так много ешь на эстраде, что кое-кто считает, и, возможно, небезосновательно, что ты оставишь театр или создашь свой?

— Театр — это моя жизнь. Песня в нем — особая история.

Он докурив. Накинул плащ. Захватил цветы и сел за руль.

— Куда ты теперь?

— На старый Арбат...

Всего три минуты до финала с веселыми куплетами и вдруг... Ужас на лицах актеров. Аплодисменты зрителей, так ничего и не появивших. Стремительно падающий занавес.

Поэт написал тогда:

Не про то я, что сцена сегодня пуста,
Не про то я сегодня, совсем не про то.
Но в театре и в жизни зияют места,
Их уже не займет, никогда и никто.

Так, наверное, думали и те, кто никогда не писал стихов и только тихо стоял в плачущей очереди к гробу артиста. Тот день был грустен. С утра шел дождь...

Марина РАЙКИНА.